

*Моим родителям,
подарившим мне любовь к Истории и рассказам
и научившим меня ценить свободу*

...В разгар зимы я наконец понял,
что во мне живет непобедимое лето*.

АЛЬБЕР КАМЮ.

Лето. Возвращение в Типаса

* Пер. М. Злобиной.

Многие персонажи этого романа — плод фантазии автора. Среди них Ида Клементи, адвокат Клементи, Альберто Гварнери, Раффаэле Браски, Джулия Берни, Мара, Фабрицио, Флора, Дора, дон Паоло, Лючия и прочие эпизодические фигуры вроде баронессы Мазини, гувернантки в доме Майорана, библиотекаря с виа Панисперна и Альфио, работника в доме Клементи.

Создание этих фигур было необходимо, чтобы прояснить историю и слова персонажей, существовавших в действительности, — например, физиков с виа Панисперна: Орсо Марио Корбино, Энрико Ферми, Этторе Майораны, Эдоардо Амальди, Эмилио Сегре, Бруно Понтекорво, химика Оскара Д'Агостино и всех прочих ученых, упомянутых в книге.

Помимо, само собой, Леонардо Шаши, потому что именно он явился первопроходцем в реконструкции истории Майораны, ставшего героем его прекрасного «Исчезновения Майораны» (1975).

Рим, 31 марта 1938 года

Последние вещи сложены в большой фибровый чемодан. Она продела в застёжки кожаные ремни и туго затянула. Потом с трудом принялась толкать багаж к двери. В прихожей проверила, не забыла ли чего-нибудь. Серый плащ, шляпка-котелок, перчатки, газета и, самое главное, билет на поезд.

Ида тяжело выдохнула.

Обернулась и окинула взглядом пустую комнату, в которой стоял запах паркетной полироли. Раффаэле был в Турине уже несколько недель, и Ида освободила квартиру раньше, чем предполагала. Подумать только, ей всего двадцать восемь, а она уже четвертый раз переезжает. Ей было жаль оставлять библиотеку, но она чувствовала, что смена обстановки поможет забыть.

Ида посмотрела на часы на кожаном ремешке с маленьким золотым циферблатом. Еще рано. Водитель приедет только через час.

Она пошла на кухню, где из всей обстановки остались лишь навесные шкафы с фасадами из светло-зеленого пластика. Открыла дверцу и взяла стакан, избежавший участи оказаться в коробках, потому что у него был отколот краешек. Из крана полилась вода, и, когда пошла холодная, Ида наполнила стакан до краев и выпила залпом. Потом вернулась за газетой и села на ступеньку под окнами.

И тут она увидела его.

Заголовок на всю полосу.

Ее длинные ресницы дрогнули, черные как смоль глаза широко распахнулись.

«Быть не может», — подумала она.

И снова посмотрела на заголовок.

Таинственное исчезновение Этторе Майораны, профессора кафедры теоретической физики Неаполитанского университета. Рассматривается версия о самоубийстве.

По спине пробежала дрожь, однако она жадно принялась читать статью: профессор отплыл из Палермо, но в Неаполь не прибыл, родные в полном смятении, один из коллег получил письмо, в котором Майорана сообщал, что хочет проститься с жизнью.

Сердце Иды тревожно забилося. «Этторе, что ты творишь?» — пробормотала она, пока перед ее мысленным взором, словно на киноэкране, проносились воспоминания: библиотека и проводящий в ней часы, склонившись

над тетрадами, физик — молодой человек в самом расцвете сил, одетый в серые брюки и белую рубашку с закатанными рукавами; волосы напомажены и уложены на правую сторону.

Она глубоко вздохнула и вновь принялась за чтение. Еще более жадно, чем прежде. Ида хотела найти хоть что-то, что поможет ей понять.

«Почему ты покончил с собой?»

Этот вопрос вертелся в голове, не давая покоя, боль проступала все сильнее. Воспоминания поднимались из колодца памяти и снова возвращали ее в то время, когда она училась в Институте физики, когда преподаватели приходили в аудиторию, чтобы посоветоваться с Этторе и показать ему свои расчеты, а он быстро, словно играючи, поправлял формулы и снова уходил в свой мир, где царила тишина.

«Ты же гений. Ты мог все — и вот что ты делаешь?» Ида задумалась о последних исследованиях Этторе. О теории новых частиц, являющихся собственными античастицами. Вспомнила, как она пришла в замешательство, когда впервые об этом услышала, и как сильно он был разочарован тем, что она не смогла с лету ухватить ход его мысли.

Что же ей делать?

Пойти к Энрико Ферми и расспросить его о подробностях, которых нет в газете? Ида застыла в нерешительности.

Внизу позвонили в дверь.

Она посмотрела на часы.

Должно быть, это водитель.

Уже не раздумывая, Ида надела зауженный в талии плащ, схватила сумку, выскочила из квартиры и кинулась вниз по лестнице, гулко стуча каблуками по мраморным ступеням.

Внизу ждал человек в ливрее.

— Ваш багаж? — поинтересовался он, открывая скругленную полированную дверь черного «Фиата Балилла».

— Пока без багажа. Вокзал отменяется.

На лице водителя мелькнула тень удивления. Ничего не объясняя, Ида уселась в машину.

— Езжайте на виа Фламиния.

Ей нужно было увидеть Альберто. Увидеть его в последний раз, чтобы понять, что произошло. Кто может знать, если не он?

«Фиат» помчался вперед, подсакивая и скрипя на брусчатке узеньких улиц, по бокам которых возвышались здания цвета пудры. Машина выехала на пятачок Венеция, и Ида немного растерялась, заметив вдали очертания Колизея, который теперь, с появлением новой улицы виа Имперо, стал отлично виден отсюда.

Когда водитель остановился напротив здания девятнадцатого века, Ида быстро выскочила из машины, подбежала к высокой двери и, ухватив дверной молоток, принялась яростно стучать.

Тишина.

Она постучала еще.

Дверь отворилась. На пороге стояла бледная женщина. Ее черты напоминали того, кого искала Ида.

— Вы мать Альберто Гварнери? — спросила она без предисловий.

Женщина кивнула.

— Мне нужно поговорить с вашим сыном. Это срочно. Я Ида Клементи, из библиотеки.

Глядя на молодую темноволосую незнакомку, женщина неуверенно поджала губы, но через пару мгновений ее глубоко посаженные глаза наполнились слезами.

— Альберто... Альберто уехал. Вчера. Очень неожиданно.

— Уехал? Куда?

Женщина пожала плечами:

— Он ничего мне не сказал. Знаю только, что уехал навсегда.

Вопрос так и замер у нее на губах: «А Джулия с ним?» Но Ида удержалась. Теперь, когда она стала женой Раффаэле, ей нужно отпустить Альберто, несмотря на то что она до сих пор его любит. Ей нужно найти в себе силы и похоронить тайну, которая всегда будет их связывать.

Турин, апрель 1954 года

Ида перешагнула порог Центра социальной помощи, где в такой час обычно никого не бывало, и поставила тяжелые сумки на деревянную скамью. Дон Паоло поспешил ей помочь.

— Она снова здесь, — сообщил священник.

Ида тут же поняла, о ком шла речь. Это продолжалось уже несколько недель. Всякий раз, когда ночь выдавалась особенно промозглой, Лючия прибегала в Центр посреди ночи и просилась переночевать.

— Где она?

— До сих пор в спальне. Зашивает рубашку. Говорит, что порвала рукав, когда спускалась по лестнице. — Дон Паоло вздохнул. — Никак не соображу, что ей сказать. Ты же знаешь, я не силен в таких вещах.

Ида кивнула. Она понимала, скольких трудов стоит священнику поддерживать этих женщин, приезжающих со всего Пьемонта и умоляющих о помощи. Часто им нужна просто горячая еда, постель или врач, но дон Паоло

прекрасно знал, что правду они расскажут только женщине, и то не всегда. Поэтому Ида сняла пальто и пошла по длинному коридору в направлении спальни. Светлые голые стены украшала лишь небольшая деревянная доска, куда Ида иногда прикалывала цветными кнопками оптимистичные цитаты, нередко из книг, чтобы подбодрить посетителей и подарить им, да и самой себе, немного надежды.

Она прошла мимо библиотеки и, как всегда, заглянула внутрь. Ида гордилась тем, что сама обустроила эту комнату и заполнила исключительно собственными книгами. Внутри она увидела женщину с ребенком. Они сидели за столом и листали книжку сказок. Ида издали поздоровалась и двинулась дальше, в более темный конец коридора. Ей не терпелось увидеть Лючию. Ее история глубоко трогала Иду.

Когда Ида вошла в спальню, девушка сидела на кровати. Ее каштановые волосы были собраны в простой хвост, на пухлых щеках пестрели веснушки, грустные глаза смотрели на Иду. На Лючии была красная футболка, которую она взяла из корзины, куда складывали вещи для нуждающихся.

Девушка положила голубую блузку на колени и пожала плечами.

— Опять? — спросила Ида.

— Да. Не знаю, правильно ли я сделала, что пришла, мне пришлось ждать несколько часов, пока он открыл дверь. Время тянулось так медленно, а за дверью было

так тихо. Было холодно, темно. Потом неподалеку прошла пьяная компания, и один из них взглянул на меня, я испугалась.

— Конечно, ты все сделала правильно. Мы работаем как раз для этого. Чтобы тебя поддержать.

— Каждый раз, когда я возвращаюсь домой, становится только хуже. Может быть, он прав и я ставлю его в неловкое положение тем, что хожу сюда. Мне нужно быть терпимей. Переждать.

Ида взяла Лючию за руку, и та продолжала:

— Он говорит, что я сама виновата.

— Что же такого ты сделала на этот раз? — спокойно спросила Ида.

— Он говорит, что я неблагодарная. Он целый день работает, а я даже дом убрать как следует не могу. Он нашел в кухне крошки. Но я подметала! Честное слово! Целый день убиралась. Но когда он вернулся, то съел печенье, и несколько крошек упало на пол. Я бы подмела, да только не успела.

Ида лишь молча кивнула. Она прекрасно знала, что насильно никому не сможешь. Иногда единственный путь — просто выслушать. Это единственная помощь, которую она может оказать тем, кто в ней нуждается.

— Он постоянно меня ругает, говорит, что я не умею вести хозяйство, — продолжала Лючия после долгого молчания. — Обвиняет меня, что я вгоняю его в могилу. Да еще жалуется на меня своей матери. Каждый раз, когда они видятся. А я...

— А ты?

— А я чувствую себя виноватой, — объяснила Лючия, подняв глаза на Иду. — Мне кажется, что я ничего такого не делаю. Я потакаю ему во всем, но он всегда находит, к чему придраться, снова и снова. Я понимаю, что все, что он говорит, — неправда, и все равно в конце концов ему верю. Он как будто контролирует мои мысли. Я совсем запуталась.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Вы? — лицо девушки вдруг вспыхнуло. — Ваш муж тоже?

— О нет. Мой муж обходителен и заботлив. Он всегда меня поддерживает во всем. Когда я захотела работать здесь волонтером, он был только за.

— Какая вы счастливая! — Девушка немного смутилась. — Зачем вы это делаете?

— Что именно?

— Приходите сюда слушать о наших бедах, — Лючия закусила губу. — Проводите здесь столько времени, вместо того чтобы заботиться о своей семье.

— Потому что я не выношу жестокости, — улыбнулась Ида.

— Мой муж никогда меня не бил, даже ни одного волоска не дернул, — сказала Лючия, точно защищаясь, и, сама того не заметив, вцепилась в голубую рубашку.

— Это вовсе не обязательно. Есть много способов сделать человеку больно.

— Кажется, что вы меня понимаете. Для меня это очень важно. Я уже не чувствую себя такой одинокой. — Лючия потупилась. Затем снова взялась за штопку и добавила: — Думаю, если у нас будет сын, мой муж утихомирится.

Ида вдруг почувствовала какое-то беспокойство. На дне колодца памяти всколыхнулись воспоминания. Ида постаралась их отогнать, но образы вставали перед глазами против ее воли. Взволнованная, она вернулась в зал, который постепенно заполнялся людьми, и подошла к дону Паоло.

— Ну, как Лючия? — спросил тот.

— Она еще не готова. — Ида порылась в пакетах. — Я забыла сахар.

Она надела пальто и двинулась к двери.

— Скоро вернусь.

Она и сама прекрасно понимала, что сахар — это только предлог. На самом деле впервые с тех пор, как она работала в Центре, ей захотелось оказаться подальше от него. Отстраниться от тяжелых историй, которые приходится постоянно выслушивать.

Оказавшись на улице, она посмотрела в небо, затянутое облаками, и глубоко вдохнула.

С каждым шагом она чувствовала себя все сильнее.

Ида снова подумала о Раффаэле. В этой юдоли слез она понимала, как ей повезло.

На виа Чернайя она остановилась перед витриной модного магазина. Шифоновое кружевное платье в витрине

напомнило ей, что в субботу они с мужем приглашены на ужин к чилийскому послу. Не мешкая, она вошла в магазин. Ей хотелось, чтобы в этот вечер все было идеально. Чтобы начать сначала.

Турин, апрель 1954 года

Ида поглядела на себя в зеркало. Длинное черное кружевное платье без рукавов село прекрасно, подчеркнуло хрупкую фигуру и тонкую шею. Довольная, она слегка надушилась ароматом амбры, в последний раз провела щеткой по длинным черным локонам, мягко спадающим на плечи, и положила шелковые перчатки в сумочку.

Затем посмотрела на часы. Почему Раффаэле до сих пор нет?

В последнее время такое случалось нередко, и это ее беспокоило.

После недолгих колебаний она прошла в гостиную. Повернула ручку выключателя, и поток света залил пространство комнаты, окруженное высокими шкафами, полными книг. Ида направилась к столу красного дерева, подняла увесистую темную трубку и набрала номер. В такое время в конторе уже никого не бывает, но попробовать стоило.

К ее удивлению, муж поднял трубку.

— Ида? — удивился он.

— Дорогой, ты что, не помнишь, что мы приглашены на ужин к чилийскому послу?

— Точно, извини. Тяжелый день. Боюсь, что я никак не смогу.

— Но я не могу идти одна. — Голос ее стал глух, стих почти до шепота. В нем сквозило разочарование.

— Это еще почему? Конечно, иди. Тебе полезно отвлечься.

— Отвлечься? Ты на что-то намекаешь?

— Нет, совсем нет.

Раздосадованная, Ида повесила трубку. В душе закопошилось сомнение, назойливое и тягостное.

Она вернулась к туалетному столику и, глядя на себя в зеркало, задумалась о прошлом. Вспомнила о довоенном времени и о той блондинке, которой тогда увлекся Раффаэле. И о том, как она все узнала. Как стала подозревать, как подолгу ждала мужа, как он вечно опаздывал, недоговаривал и как, наконец, она увидела их у двери в контору, заговорщически улыбающихся друг другу. После того как удивление и чувство унижения сменились злостью, Ида потребовала у него объяснений. Несколько дней она думала, что нужно разойтись, она собирала и вновь разбирала чемодан, но каждый раз все менее уверенно. Наконец постепенно, сделав над собой немалые усилия, охваченная сожалением, она помирилась с Раффаэле, поскольку он сказал, что раскаивается, и на его лице читалось чувство вины. Однако через несколько месяцев после окончания

войны все повторилось снова. Это новое открытие ранило ее уже не так больно, как первое. А третье — и подавно, так что она даже ничего не сказала. С тех пор Ида уверяла себя, что для мужа это всего лишь развлечение. Она даже убедила себя в том, что эти чужие сменяющие друг друга женщины укрепляют их брак. Она дошла до того, что даже пыталась находить в этом положительную сторону: измены избавляли ее от необходимости удовлетворять физические потребности мужчины, в постели с которым она никогда не чувствовала себя свободно. Но было и кое-что другое. Наконец-то ей тоже было за что укорить мужа, и теперь она могла смотреть ему прямо в лицо и чувствовать, что ей не в чем себя винить.

Так постепенно ее обида сошла на нет, и, к собственному удивлению, она приняла такое положение вещей и даже оправдывала его.

Затем понимание сменилось привычкой.

Однако в последние два года Раффаэле вел себя так, что казалось, будто он решительно намерен спасти их брак. Они снова сблизились, и, хотя по привычке спали в разных комнатах, в их отношениях появилось теплое чувство близости.

Но что же такое произошло? Несмотря на то что жизнь все время подкидывала разные неожиданности и Иде не раз приходилось сидеть и ждать, все же не в обычаях Раффаэле было бросить ее вот так, в последнюю минуту, даже не предупредив. Или отправить на прием одну. За много лет такое случилось впервые.

Ида вздохнула.

Напрасно она сомневается. Должно быть, муж и в самом деле сильно загружен работой.

Ида уже собиралась снять туфли на каблуках, но передумала. В одном Раффаэле прав. Сегодня ей нужно развеяться, а водитель, должно быть, уже ждет внизу. Поэтому она поспешила добавить помады на губы, подхватила плащ с воротом из темного бархата, поправила шляпку со светлой вуалью и закрыла за собой дверь.

Она прошла по длинному коридору, выложенному белым мрамором и устланному толстыми коврами, разглядывая лепнину, украшавшие стены большие полотна, вазы, полные белых гортензий.

Темноволосая женщина в бордовом платье чуть ниже колен и с большим страусиным пером в волосах устремилась ей навстречу. Ида смутилась. Ее ведь пригласили как спутницу Раффаэля, известного хирурга.

— Дорогая госпожа Браски, — приветствовала Иду хозяйка дома, — как мы вам рады! — Она огляделась по сторонам. — А где же ваш муж?

— Он задержался в клинике, — соврала Ида, уверенно глядя на хозяйку и широко улыбаясь.

— Очень жаль, — женщина была заметно разочарована. — Как я вас понимаю! Работа супруга для нас, женщин, — наказание похуже измены.

Ида сглотнула. Сомнения вновь охватили ее, и, хотя она никогда не пила, все же машинально протянула руку

к подносу с шампанским, который предложил официант. Она почувствовала, как сердце забилось быстрее, и отпила из бокала, раздумывая об отступлении. Затем повернулась к даме, стоявшей справа от нее. Блондинка была выше Иды и говорила так, как говорят люди из окрестностей Болоньи. Ее голос был знаком Иде. Она посмотрела женщине в лицо, и ей показалось, что она очнулась от долгого сна.

Женщина смотрела на нее, словно не веря собственным глазам. Смущение продлилось не дольше вдоха.

— Джулия! Джулия Берни! — прошептала Ида.

Ее как будто отбросило на много лет назад. Она старалась выглядеть равнодушной, меж тем еще раз невольно пригубила шампанского. Несмотря на то что прошло шестнадцать лет, ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы узнать ее. Соперницу, по вине которой Ида провела не одну бессонную ночь; женщину, изменившую всю ее жизнь, присвоившую себе любовь всей ее жизни. Ее улыбка сияла как прежде, и лишь несколько мелких морщинок вокруг глаз напоминали о необратимом беге времени.

Ида увидела, как вспыхнули голубые глаза Джулии, и машинально разгладила ладонью платье, подчеркивающее ее хрупкую фигуру. Похоже, смутилась только Ида. Джулия и виду не подала, словно та старая история, что отдала их, ее нисколько не касалась, и непринужденно направилась навстречу Иде.

— Ида! Ида Клементи! Глазам не верю! Скорей рассказывай, как ты здесь оказалась?

— Я давно живу в Турине. Приехала вместе с Рафаэлем.

— Доктор Браски! Как же, я отлично помню, как он заезжал за тобой на виа Панисперна на прекрасном черном автомобиле. А где же он? — Джулия оглянулась по сторонам.

— К сожалению, он не смог прийти. У него много работы, — вновь солгала Ида.

— Как жаль! Было бы приятно снова его увидеть, — заметила Джулия. — Ну, расскажи мне, ты была с тех пор в библиотеке?

— По правде говоря, нет. Я давно оставила ту работу. После войны пыталась устроиться в общественную библиотеку здесь, в Турине. Но проработала всего несколько месяцев. Книги и запах старых бумаг там были, но мне очень не хватало всего остального. Нашей компании, жажды знаний, духа открытий... В общем, не было людей, которые создавали атмосферу на виа Панисперна.

— Да, тех лет никогда не забыть!

Повисла пауза.

— Помню, что ты вечно таскала в сумке какой-нибудь роман и позолоченный ножик для бумаги.

— Привычка читать никуда не делась. Не проходит и дня, чтобы я не купила новую книгу. Дома их уже некуда ставить, приходится раздаривать. — Ида вздохнула. Ей не хотелось, чтобы о ней думали как о богатой женщине, не знающей, чем себя занять, и потому добавила: — Во время войны я пошла волонтером

в Красный Крест, водила машину скорой помощи, а сейчас работаю в Центре женской взаимопомощи. Рада, что занимаюсь этим. — И, сама не желая того, зачем-то добавила: — Но в сердце я так и осталась той девочкой, что работала в библиотеке на виа Панисперна. Я как будто зависла между прошлым и настоящим.

Разум подсказывал ей, что лучше замолчать, и ей захотелось уйти. Иде стало страшно. Она боялась узнать новости об Альберто, боялась его увидеть. Увидеть его рядом с Джулией. Но любопытство взяло свое. Она глубоко вдохнула и быстро спросила:

— А как ты?

— Я живу в Афинах. Здесь проездом, только что вернулась из поездки по Южной Америке. Перу, Аргентина... Езжу повсюду за мужем.

За мужем? Почему бы не назвать его просто Альберто?

— Так вы живете в Афинах? — не скрывая удивления, спросила Ида. — И ты больше не занимаешься ядерной физикой?

— Как можно чем-то заниматься, когда у тебя семья? Это исключено. — Смягчив тон, она осторожно добавила: — Ведь на мне двое детей.

— Жаль. Ведь ты так долго училась.

Ида потупила взгляд, но Джулия будто бы ничего не заметила.

— Я стараюсь об этом не думать. Все мы прекрасно понимаем, что после свадьбы жизнь радикально

меняется. Появляются обязанности. Послы ведь постоянно в разъездах по миру.

На этот раз Ида задержала дыхание.

Послы?

Сердце ее бешено забилося, меж тем собеседница продолжала:

— Артуро — невероятный мужчина. — В глазах Джулии мелькнула гордость.

— Ар-ту-ро? — медленно произнесла Ида по слогам. Казалось, Джулия смутилась.

— Да, Артуро Легати. — Она замолчала и слегка прищурилась. — Что-то не так? Ты же не думала, что...

Тут Джулия широко распахнула глаза. Ида кивнула. Ее сердце ушло в пятки.

— Ты что, думала, я вышла за Альберто? Да нет, что ты! — Она понизила голос: — Ида, спустя столько лет я хочу быть честной. Поначалу я была безумно влюблена в Альберто, мне казалось, что у нас все прекрасно, но, когда я вернулась из Парижа, он будто стал другим человеком. Вечно витал где-то далеко. И знаешь почему? Да потому, что он думал только о тебе и о том, что между вами было, хотя ты тогда уже была замужем. Мне постоянно казалось, что я борюсь с призраком.

У Иды закружилась голова. Она не могла понять смысла сказанного. Она прекрасно знала, что Альберто забыл ее. Даже хуже того. Он бросил ее тогда, когда она нуждалась в нем больше всего. Эти ненужные слова грозили вновь всколыхнуть боль, которую она с таким

трудом похоронила в себе. Она уже пожалела, что вообще пришла на этот ужин, но даже не успела что-то сказать или предпринять, а Джулия тем временем продолжила:

— Не то чтобы он сам это сказал. Он не желал говорить о тебе вовсе, но кое-что иногда просто видно. Меня раздирало от ревности. И тогда, через несколько дней после исчезновения Майораны, Альберто вдруг решил уехать и попросил меня не ехать с ним. Одним словом, он меня бросил. Я ужасно страдала... Но Артуро лучше не знать о том, что мы здесь обсуждали. — Она подмигнула Иде, но затем вдруг снова посерьезнела: — Так даже лучше. Для всех. У нас не было будущего. Мы были бы несчастливы вместе.

Помолчав несколько секунд, Джулия снова заговорила:

— Тридцать восьмой вообще лучше и не вспоминать. Какое счастье, что Сегре и Понтекорво смогли выехать за границу до введения расовых законов. Профессор Ферми с женой тоже успели вовремя.

Ида глубоко вздохнула:

— Да, лишь Этторе не удалось спастись.

Грусть читалась на ее лице.

— Ты о Майоране? Да почему вы тут, в Италии, так уверены, что он мертв?

— Что ты хочешь сказать?

Джулия взяла ее под руку и, отведя от других гостей, зашептала: